Буатель / новелла

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Буатель / новелла БУАТЕЛЬ

Дядюшка Буатель, Антуан, выполнял во всей округе самые грязные работы. Всякий раз, когда нужно было собрать кучу навоза, вычистить сточную канаву, выгребную яму или какую-нибудь засоренную дыру, посылали за Буателем.
Захватив с собой орудия золотаря, он приходил в измазанных грязью деревянных башмаках и принимался за работу, все время жалуясь на свое ремесло. Когда же его спрашивали, зачем он взялся за такое противное дело, он отвечал покорным тоном:
— Что поделаешь, детей-то кормить надо! А эта работа выгоднее всякой другой.
Действительно, у Буателя было четырнадцать человек детей. Если у него осведомлялись об их участи, он с равнодушным видом говорил:
— Дома осталось только восемь. Один — в солдатах, а пятеро уже поженились.
Когда же кто-нибудь спрашивал, удачно ли они поженились, Буатель с живостью отвечал:
— Я им не перечил! Ни в чем не перечил! Женились, как хотели. Никогда не надо мешать людям выбирать по сердцу, иначе это плохо кончается. Вот, к примеру, я: ведь я-то теперь в грязи копаюсь только потому, что мне родители поперек дороги встали. А не будь этого, вышел бы из меня такой же рабочий, как другие.
Вот как случилось, что родители встали Буателю поперек дороги.
В то время он отбывал военную службу в Гавре. Был он не глупее и не умнее других, но несколько простоват. В свободные часы он больше всего любил гулять по набережной, где расположены лавки продавцов птиц. Один или с кем-либо из земляков, он медленно прохаживался перед клетками, где попугаи с берегов Амазонки, желтоголовые с зелеными спинками, сенегальские попугаи, серые с красным, огромные арара, которым яркое оперение, хохолки и

султаны придают вид птиц, выращенных в теплице, попугаи всех величин, словно расписанные тщательно и искусно каким-то божественным миниатюристом, и маленькие, совсем маленькие птички-попрыгуньи — красные, желтые, синие, пестрые — сливают свои крики с шумом порта, внося в грохот разгрузки судов, в гул толпы и громыханье экипажей пискливый, пронзительный, буйный, оглушающий гам какого-то далекого сказочного леса.

Буатель останавливался, тараща глаза, разинув рот, смеясь от восторга, любуясь пленниками какаду, а те кивали своими белыми и желтыми хохолками при виде ярко-красных штанов солдата и блестящей медной бляхи на его поясе. Когда ему попадалась говорящая птица, он задавал ей вопросы. И если в этот день птица была расположена отвечать и болтала с ним, то он до самого вечера был весел и доволен. Глядеть на обезьян тоже доставляло ему невыразимое наслаждение, и он не представлял себе большей роскоши для богатого человека, чем возможность держать этих животных дома, как держат кошек и собак. Эта страсть, влечение к чему-то экзотическому, была у него в крови, как бывает в крови у людей влечение к охоте, к медицине, к деятельности священника. Всякий раз, как открывались двери казармы, он не мог устоять, чтобы не пойти на набережную, словно его влекла туда непреодолимая сила.

Как-то раз, остановившись чуть не в экстазе перед громадным арара, который распушил свои перья, наклонялся и выпрямлялся, словно отвешивая придворные поклоны, принятые в царстве попугаев, Буатель увидел, как отворилась дверь кабачка рядом с лавкой продавца птиц и на пороге появилась молодая негритянка в красном шелковом платке на голове: она выметала из заведения на улицу пробки и песок.

Внимание Буателя тотчас же разделилось между птицей и женщиной, и трудно сказать, которую из двух он созерцал с большим изумлением и восторгом.

Негритянка, выбросив из кабачка сор, подняла глаза и в свою очередь замерла на месте, совершенно ослепленная красотой солдатского мундира. Она стояла перед Буателем, зажав метлу в руках, словно делая на караул, а попугай все кланялся. Так прошло несколько минут, и солдат, смущенный этим вниманием,

удалился медленно, чтобы его уход не показался отступлением.
Но он пришел снова. Почти каждый день проходил он мимо «Кафе колоний» и часто видел через окно молоденькую чернокожую служанку, подававшую матросам пиво или водку. Нередко она, заметив его, выходила на улицу. Еще не обменявшись ни единым словом, они скоро стали улыбаться друг другу, как знакомые. И сердце Буателя трепетало всякий раз, как между темными губами девушки мелькал ослепительный ряд зубов. Наконец однажды он вошел в кабачок и очень удивился, услышав, что негритянка говорит по-французски, как все. Бутылка лимонада, из которой она согласилась выпить стакан, осталась радостным воспоминанием в душе солдата. И у него создалась привычка приходить в этот портовый кабачок и попивать там сладкие напитки, доступные его карману.
Для него было праздником, счастьем, о котором он потом неустанно думал, глядеть на черную руку служанки, когда она наливала его стакан, а зубы ее смеялись и блестели ярче, чем глаза. Через два месяца знакомства они уже были настоящими друзьями, и Буатель сперва очень удивлялся, что у этой негритянки такие же понятия обо всем, как у порядочных девушек его родины, что она начитает труд, бережливость, религию и нравственность, а потом полюбил ее за это еще больше, пленился ею до того, что решил жениться.
Он сказал ей об этом, и девушка запрыгала от радости. У нее было немного денег, оставленных торговкой устрицами, которая приютила ее, когда ее высадил на набережную Гавра один американский капитан. Этот капитан нашел ее, ребенка лет шести, в трюме своего корабля, между тюками хлопка, через несколько часов после отплытия из Нью-Йорка. Прибыв в Гавр, он предоставил попечению жалостливой торговки устрицами этого черного зверька, неизвестно кем и как подкинутого на его судно. Когда торговка умерла, молодая негритянка поступила служанкой в «Кафе колоний».
Антуан Буатель предупредил ее:
— Мы поженимся, если родители согласятся. Я против их воли никогда не пойду, так и знай, никогда! Как только попаду домой, я закину им на этот счет словечко.

На следующей же неделе, получив суточный отпуск, он отправился к родителям на маленькую ферму в Туртвиле близ Ивето.
Дождавшись конца обеда, того часа, когда кофе с рюмочкой водки открывает сердца, он сказал старикам, что встретил девушку, которая до такой степени пришлась ему по вкусу, что уж, конечно, более подходящей ему не найти во всем мире.
Услышав об этом, старики сразу насторожились и захотели узнать подробности. Сын рассказал все, умолчав только о цвете кожи своей избранницы. Она — служанка, не богата, но работящая, бережливая, опрятная девушка, рассудительная и хорошего поведения. Все это стоит больше, чем богатство в руках плохой хозяйки. Впрочем, у нее есть кое-какие деньги, оставленные ей женщиной, которая ее воспитала. Порядочная сумма, почти маленькое приданое: полторы тысячи франков в сберегательной кассе.
Старики, побежденные всеми этими доводами и, кроме того, доверявшие суждению сына, понемногу сдавались, но тут Антуан дошел до щекотливого пункта. Он сказал с несколько принужденным смехом:
— Вот одно только вам, может быть, не понравится: она не совсем белая.
Но родители не понимали, и ему пришлось долго, со множеством предосторожностей, чтобы их не испугать, объяснять, что девушка принадлежит к темной расе, что таких людей они видели только на лубочных картинках.
Тогда ими овладела тревога, смущение, страх, словно речь шла о союзе с самим дьяволом.
Мать спросила:
— Черная? А очень она черна? Неужто вся как есть?
Антуан ответил:
— Ну, известное дело, вся, вот так же, как ты — вся белая.
Отец тоже осведомился:
— Черная? Такая черная, как чугун?
— Нет, пожалуй, малость посветлее. Хоть она и черная, да в этом ничего противного нет. Ведь вот у господина кюре ряса черная, да ничуть не хуже белого стихаря.
Отец продолжал:

— А что, в их краях есть и почернее ее?
— Ну, конечно, есть! — убежденно воскликнул сын.
Но старик покачал головой:
— Все-таки это, должно быть, противно.
— Не противнее чего другого. К этому скоро привыкнешь.
Мать спросила:
— А что, белья она не пачкает, такая кожа?
— Не больше, чем твоя. Ведь это — ее цвет!
Наконец после целого ряда вопросов было решено, что родители, раньше чем дать согласие, посмотрят девушку, — Антуан, служба которого кончалась через месяц, привезет ее на ферму, и тогда они, рассмотрев ее как следует и потолковав, решат, не чересчур ли она темна, чтобы войти в семью Буатель.
Антуан объявил, что в воскресенье 22 мая, в день его освобождения от службы, он приедет в Туртвиль со своей милой.
Для этого посещения родителей возлюбленного негритянка надела самый красивый и яркий наряд, в котором преобладали цвета желтый, красный и синий, так что она казалась украшенной флагами в честь какого-нибудь национального праздника.
На вокзале при отъезде из Гавра на нее глядели во все глаза, и Буатель был очень горд тем, что ведет под руку особу, которая привлекает всеобщее внимание. Затем в вагоне третьего класса, где негритянка уселась рядом с ним, она вызвала среди крестьян такое удивление, что пассажиры соседних отделений влезали на лавки, чтобы взглянуть на нее поверх деревянных перегородок, разделявших эту коробку на колесах. Какой-то ребенок, увидев ее, заплакал от страха, другой — уткнулся лицом в передник матери.
Тем не менее все шло хорошо, пока они не доехали до своей станции. Когда же поезд замедлил ход, приближаясь к Ивето, Антуан почувствовал беспокойство, как бывало на смотру, если он не знал «солдатской словесности». Высунувшись из окна, он издали заметил отца, который держал под уздцы лошадь, запряженную в тележку; увидел мать у самой решетки, за которой толпились любопытные.
Он вышел из вагона первый, подал руку своей подруге и, вытянувшись, как будто сопровождал генерала, направился к

родителям.
Увидев под руку с сыном эту черную пестро разодетую даму, мать была так ошеломлена, что не могла слова вымолвить, а отец с трудом удерживал лошадь, которая то и дело вставала на дыбы, испугавшись сначала паровоза, потом негритянки. Но Антуан, охваченный вдруг искренней радостью при виде своих стариков, бросился к ним с распростертыми объятиями, расцеловал мать, расцеловал отца, не обращая внимания на испуганную лошадь, затем повернулся к своей спутнице, на которую прохожие, остановившись, глазели с изумлением, и объявил:
— Ну, вот она! Говорил ведь я вам, что на первый взгляд она чуточку страшновата, но когда узнаешь ее поближе, так, ей-богу, ничего нет милее на свете. Поздоровайтесь же с ней, а то она робеет.
Тогда старуха Буатель, и сама смущенная до потери сознания, неловко присела, а отец снял шапку, пробормотав: «Желаю вам доброго здоровья». Затем, не медля более, все влезли в тележку — женщины уселись позади скамейки, где их подбрасывало при каждом ухабе, а мужчины впереди на козлах.
Никто не начинал разговора. Антуан в беспокойстве насвистывал солдатскую песню, отец погонял лошаденку, а мать украдкой бросала пытливые взгляды на негритянку, у которой лоб и скулы блестели на солнце, как хорошо начищенный сапог.
Желая поскорее прервать тягостное молчание, Антуан обернулся со словами:
— Что же это вы не разговариваете?
— Погоди, дай срок, — отвечала старуха. Он продолжал:
— Ну-ка, расскажи гостье про восемь яиц твоей курицы. Это был знаменитый в семье анекдот. И, так как мать от сильного смущения все еще молчала, Антуан, заливаясь смехом, сам принялся рассказывать эту достопамятную историю. Отец, знавший ее наизусть, просиял при первых же словах. Вслед за ним развеселилась и жена, а негритянка в самом смешном месте рассказа разразилась вдруг таким громким, неудержимым, раскатистым смехом, что лошадь, испугавшись, пустилась галопом.
Знакомство завязалось. Начался разговор.

Как только они приехали на ферму и все вылезли из повозки, Антуан повел свою подругу в дом, чтобы она сняла нарядное платье, так как могла испачкать его, готовя вкусное кушанье собственного изобретения, которым они надеялись подкупить стариков. Затем он вызвал родителей за дверь и с бьющимся сердцем спросил:

— Ну, как? Что вы скажете?

Отец молчал. Мать, более смелая, объявила:

— Больно уж она черна! Нет, право, уж чересчур… У меня просто все нутро переворачивается!

— Привыкните! — уверял Антуан.

— Пожалуй, да только не сразу.

Они вошли в дом, и старушка умилилась, видя, как негритянка стряпает. Проворная, несмотря на свой возраст, она, подоткнув юбку, принялась помогать девушке.

Обед был вкусный, долгий, веселый. Когда он кончился и все вышли прогуляться, Антуан отвел отца в сторону:

— Ну, как, отец, что ты скажешь?

Крестьянин по обыкновению увернулся от прямого ответа:

— Не знаю, что и сказать. Спроси у матери.

Тогда Антуан догнал мать и, когда они отстали от всех, спросил:

— Что же, мама, как ты думаешь?

— Право, сынок, уж очень она черная! Будь она хоть чуточку посветлее, я бы не противилась. А то уж слишком… Настоящий сатана!

Зная упрямство старухи, сын больше не настаивал, но в душе его поднялась целая буря печали. Он не мог придумать, что теперь делать, что бы такое предпринять, и удивлялся, почему, негритянка не покорила его родных сразу, как пленила его самого. Все четверо шли медленно вдоль колосившихся полей, и разговор постепенно замирал. Когда они проходили мимо изгороди какой-нибудь фермы, обитатели ее устремлялись за ворота, мальчишки карабкались на пригорки, все спешили на дорогу, чтобы увидеть «арапку», которую привез сын Буателей. Издали было видно, как люди бежали через поле, словно на бой барабана, возвещающий о какой-нибудь живой диковинке. Старики

Буатель, смущенные любопытством, которое всюду вызывало их появление, шагали все торопливее, вдвоем, оставив далеко позади сына и его спутницу, а та старалась тем временем выпытать, какого мнения о ней его родители. Антуан, запинаясь, отвечал, что они еще ничего не решили.

На деревенской площади из домов высыпал взбудораженный народ, и тут при виде растущей толпы старики Буатель бегом бросились домой, между тем как Антуан, задыхаясь от возмущения, величественно шествовал со своей дамой под изумленными взглядами деревенских жителей.

Он понимал, что все кончено, что надежды больше нет и ему не жениться на своей негритянке. Она тоже это поняла. И, подходя к ферме, оба заплакали.

Возвратившись на ферму, негритянка снова переоделась, чтобы помочь по хозяйству матери Антуана. Она ходила за старухой повсюду — в хлев, в погреб, на птичник, выполняя самую тяжелую работу и беспрестанно повторяла: «Давайте-ка, госпожа Буатель, я это сделаю», так что к вечеру мать, тронутая, но по-прежнему непреклонная, сказала сыну:

— А она славная девушка! Жаль, что такая черная, но, право, уж слишком черна! Мне к ней никак не привыкнуть… Пускай уезжает, уж больно черна!

И Антуан сказал своей возлюбленной:

— Она ни за что не хочет, говорит, что ты слишком черная. Придется тебе ехать обратно. Я тебя отвезу на станцию. Но это ничего, ты не горюй! Я еще с ними потолкую, когда ты уедешь.

Он проводил девушку на вокзал, все еще стараясь внушить ей надежду, поцеловал и усадил в поезд, а потом долго смотрел ему вслед распухшими от слез глазами.

Сколько он ни умолял стариков, они не дали согласия.

Рассказав эту историю, уже известную всей округе, Антуан Буатель неизменно добавлял:

— С той самой поры у меня уже ни к чему душа не лежала, ни к чему! Никакое ремесло мне не нравилось, вот я и стал золотарем.

Ему возражали:

— Однако вы все-таки женились.

— Да, женился. И не могу сказать, чтобы жена мне была не мила, раз я с ней прижил четырнадцать человек детей. Но это другое, совсем, совсем другое! Та, первая, негритянка моя, бывало, лишь взглянет — и я не помню себя от счастья!

Ги де МОПАССАН.

Французская новелла XIX века / [Сост. Б.П.Мицкевич.]
— Мн.: Изд-во «Университетское», 1984
Перевод М.Е.Абкиной Hekaўalar